

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. КОНТРФОРС МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ И КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2022 г. Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: evigpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 10.03.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция российской конституционной идентичности в условиях международных санкций. Развиваясь в системе общепризнанных принципов правовой государственности, Россия, подвергаясь жесткому санкционному давлению, демонстрирует приверженность конституционно значимым ценностям, сохраняя суверенитет во внешней и внутренней политике. Разнонаправленность интегрирующих Россию в мировое сообщество и предполагающих необходимость сохранения государственной независимости сил актуализирует важность исследования конституционной идентичности. Нахождение теоретической модели баланса между двумя противостоящими силами — весьма непростая задача, и здесь противодействующая сила — контрфорс создает фундамент для устойчивости взаимодействия, поддерживая и укрепляя сложную многоуровневую систему, устойчивость элементов которой предопределяет эффективность современной российской государственности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, международные санкции, конституционная идентичность, контрфорс.

Цитирование: Виноградова Е. В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. 2022. № 4. С. 7–12.

DOI: 10.31857/S102694520019615-7

MODERN RUSSIAN STATEHOOD. THE COUNTERFORCE OF INTERNATIONAL SANCTIONS AND CONSTITUTIONAL IDENTITY

© 2022 E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: evigpran@igpran.ru

Received 10.03.2022

Abstract. Developing in the system of universally recognized principles of legal statehood, Russia, being subjected to severe sanctions pressure, demonstrates commitment to constitutionally significant values while maintaining sovereignty in foreign and domestic policy. The divergence of forces integrating Russia into the world community and assuming the need to preserve state independence actualizes the importance of studying constitutional identity. Finding a theoretical model of balance between two opposing forces is a very difficult task, and here, the opposing force — the counterforce, creates the foundation for the stability of interaction, supporting and strengthening a complex multi-level system, the stability of the elements of which determines the effectiveness of modern Russian statehood.

Key words: state sovereignty, international sanctions, constitutional identity.

For citation: Vinogradova, E. V. (2022). Modern Russian statehood. The counterforce of international sanctions and constitutional identity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 7–12.

Среди базовых конституционных институтов, формирующих современную государственность, важное место принадлежит суверенитету, который, раскрываясь через концепции идентичности в каждом государстве, создает уникальные модели. Интегративная связь суверенитета с необходимостью поддерживать должный уровень международных отношений образует систему, элементы которой подвержены разновекторному влиянию. Российская модель государственного суверенитета, трансформируясь под влиянием как внутренних преобразований, происходящих в последние годы, так и в жестком противостоянии международным санкциям, балансирует между двумя противостоящими силами. Это достаточно сложная задача, которая обуславливает поиск новых форм взаимодействия. Здесь, как и в архитектуре контрфорс (от франц. *contreforce* — противодействующая сила), противодействующие силы поддерживают и укрепляют основную несущую конструкцию — эффективную современную российскую государственность. Актуальность исследования элементов этой контрфорсной системы — государственного суверенитета и агрессивного наднационального влияния очевидна в период кризиса системы международных отношений.

Исследование правовой природы суверенитета предопределяет его концепцию как элемента, атрибутирующего независимость государства. В рамках этого подхода хотелось бы сформулировать положение о том, что не все существующие в науке конституционного права виды суверенитета — государственный, народный, национальный и суверенитет личности всегда реализуются в направлении, поддерживающем существующую политико-правовую реальность в том или ином государстве. Государственный суверенитет, проявляющийся в независимой внутренней и внешнеполитической деятельности, и народный суверенитет как парадигма власти народа, реально участвующего в управлении делами общества и государства, направлены на укрепление суверенной государственности. Рассуждая о национальном суверенитете как идее полновластия нации, её политической свободы, можно предположить, что в нем видится потенциал размытия государственности. Концепция же суверенитета личности, получившая нормативное закрепление, в своем экстремуме абсолютизирует идею автономной личности, интересы которой зачастую презюмируются выше государственных.

Развивая в XVI в. идею государственного суверенитета, Ж. Боден, аргументируя признание автономности, обосновал возможность власти, предоставленной монарху как носителю суверенитета, дарованной Богом. Противопоставляя власти монарха как носителя самодержавной власти власть народа, Ж.-Ж. Руссо в XVIII в. предложил

концепцию народного суверенитета в качестве части доктрины общественного договора. В современном понимании это положение закрепляется в основных законах государств в модели «народ — единственный законный носитель верховной власти». Народный и государственный суверенитет не предполагают противопоставления в рамках идеи независимой государственности. Выдающийся российский ученый А.С. Алексеев писал, что «государство есть оседлый народ, организованный в самостоятельное целое под единой верховной властью»¹. В отличие от национального суверенитета, основанного на идее права нации на самоопределение, правовое содержание которой определяется тезисом о политической свободе нации, ее праве выбирать принципы взаимодействия с другими нациями и даже организационно-правовую модель государственности. Исследователи отмечают², что изначально не присущие любой нации гарантии суверенитета могут обеспечиваться государством, на определенном историческом этапе они становятся правом нации и частью государственного суверенитета³. Однако в последние годы происходит изменение правового содержания понятия «национальный суверенитет», которое все чаще рассматривается лишь как право свободного выхода из состава другого государства или союза государств⁴. Вероятно, здесь нелишним будет обратить внимание на то, что используемое в государственно-правовом пространстве США понятие «национальный суверенитет» не имеет подтекста, определяемого сквозь призму права нации на самоопределение. Поэтому автоматическое использование в качестве тождественных понятий «государственный суверенитет» и «национальный суверенитет», вполне допустимое в правовой традиции США, вряд ли корректно для применения в России и других многонациональных государствах⁵. Национальный суверенитет во многом зависит от интересов, осознаваемых нацией как жизненно важных для ее существования, и может реализовываться не только в рамках автономии в существующей, но и в превенции создания собственной независимой государственности.

¹ Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5–7.

² См., напр.: Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978. С. 3, 4, 18, 19.

³ См.: Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 35–37.

⁴ См.: Морозова А.С. Конституционно-правовой анализ реализации принципов суверенитета в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 4. С. 44–49.

⁵ Подобные рассуждения, кстати, вполне приемлемы и при определении правовой природы государственной и национальной безопасности.

В современной интерпретации концепта суверенитета личности распространение идеи защиты прав и свобод в наднациональных системах все больше выходит за рамки внутригосударственных вопросов, становясь предметом международной защиты. Общепризнанным становится принцип «нарушения прав человека не являются внутренним делом страны», что способствует возникновению тенденции сокращения суверенных полномочий государства. Предоставление любому человеку возможности самостоятельно распоряжаться своими правами, без всякого сомнения, заслуживает поддержки на самом высоком конституционном уровне государства. Конституция РФ содержит положения о признании и гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. 17) и о том, что именно они определяют деятельность органов власти и смысл законов (ст. 18).

Вместе с тем суверенитет личности — фикция без связи с государством, которое реализует ее права. Здесь важно отметить, что каждое государство имеет особенные моральные и нравственные основы, которые формируют его идентичность. Это обусловлено ярко выраженным характером связанных с историей, языковыми и культурными традициями страны ценностями. Охранять права и свободы человека, его сознание, мотивы поведения в обществе, идеи, ценности невозможно вне его корневой системы, связывающей его со страной, где на основе языковых, культурных, исторических, философских традиций происходило его формирование как личности. Защита прав и свобод личности вне этой системы искажает реальность, как в известном с древних времен устройстве — камере-обскура (лат. *camera obscura* — «темная комната»), в котором изображение предмета проецируется на поверхность в темной комнате в перевернутом и искаженном виде.

Очевидно, что для современной государственности сохранение традиционных для любой страны ценностей нацелено на сохранение нравственных начал в социальной жизни⁶. Для России, например, некоторые западноевропейские традиции подчас противоречат внутренним «корневым» устоям. Основанные на православии философия, культура, право отражают слияние религиозных, нравственных и юридических начал, которые, воспитывая душу, определяли жизнь русского человека от рождения до смерти. Заповедные тексты Ярославовой и Русской Правды, Великокняжеского и Царского судебныхников создавали основы мировоззрения, в которых, по мнению акад. А.А. Королькова, «право становилось синонимом

правоты, правды и даже праведности»⁷, в то время как в западном сознании законность отождествлялась с формальной упорядоченностью.

Вместе с тем на фоне глобализации тщательно насаждается идея об отказе от самоидентификации в национальной, культурной, религиозной сферах, которая необходима любому человеку для осознания себя частью «своего» мира — маленького или большого, но своего, ограниченного своей историей, культурой, правом. Как утверждает А.Н. Савенков, «на наших глазах цивилизация погружается в поиск новых путей развития, что является следствием кризиса мирового порядка»⁸. И здесь проходит граница, разделяющая человеческий социум на суммарные интересы личностей, образовавших его и интересы государства, превалирующие над интересами каждой конкретной личности. Эта идея со всей очевидностью должна восприниматься как аксиома в рассуждениях о государственном суверенитете как системе, включающей в себя суверенитет личности в качестве одного из элементов. Рассуждая о противоречии между суверенитетом государства и суверенитетом личности, выдающийся русский ученый Н.М. Коркунов отмечал специфику верховной власти, которой обладает лишь государство «как общественный союз, представляющий собою самостоятельное признанное принудительное властвование над свободными людьми»⁹.

Посредством глобальных инструментов в последние годы сформирована защищаемая международными договорами совокупность прав и свобод человека, которую, вероятно, и следует считать основой концепции личного суверенитета. Возрастание роли наднациональных органов, обусловленное усилением взаимозависимости между государствами, видимо, приведет к делегированию суверенными государствами своих прав, как это происходит в странах Европейского Союза.

Анализ природы национального суверенитета и суверенитета личности обуславливает вывод об их эволюции в сторону противоположную сохранения целостности, связности и единства духовно-культурного пространства и преемственности исторического развития, на разрушение государственного суверенитета. Конечно, государственный суверенитет не является абсолютным, но он обеспечивает высшую степень ответственности перед своим народом и, как полагает А.А. Моисеев, символизирует не только его политико-правовую

⁷ Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права. СПб., 1998. С. 634.

⁸ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.

⁹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 295.

⁶ См.: Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство — личность — государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 158.

самостоятельность, но и ценность как первичного субъекта международного права¹⁰.

Происходящий в последние годы процесс усиления граничащего с ужесточением влияния международных соглашений, направленных на защиту интересов национальных групп внутри той или иной страны, обусловил возможность применения международных санкций в отношении суверенных государств. Появление этой тенденции контекстно связано с процессами глобализации и, очевидно, может привести к утрате государствами независимости. Одним из первых шагов в этом направлении можно считать «расщепление» государственного (народного) суверенитета на «нестабильные» его составляющие — национальный суверенитет и суверенитет личности. Это происходит в формате формирования некоей системы ценностей, элементы которой не всегда соответствуют интересам стран, объединённых для решения определенной тактической или стратегической задачи. Возникающие при этом проблемы не могут не влиять на международные отношения. Глобальная экономика, глобальная политика создают систему ценностей, определяемых как общечеловеческие. Вместе с тем аксиология этого единства подчас противоречит суверенным ценностям того или иного государства. Агрессивному навязыванию примата «единых» для всех ценностей может противостоять только признание того, что каждая страна имеет особенные, традиционные только для нее моральные и нравственные скрепы, которые формируют ее идентичность.

Анализ деформации системы суверенных ценностей позволяет говорить о быстро происходящем отказе от базовых установок на сохранение государственной независимости. После кризиса 2008 г. на фоне успеха китайской экономической модели, событий «арабской весны»¹¹ стремление некоторых государств к доминированию, установлению нового миропорядка становится очевидным. Стало естественным позиционировать в процессе формирования стратегии межгосударственных отношений преобладание интересов страны, провозглашающей свои государственно-правовые модели безупречными. Глобализация приводит к смешению и ассимиляции культур, и если в рамках одного государства эти процессы могут оцениваться как позитивные, то стирание различий между государствами влечет утрату внешнего суверенитета в выборе политического курса. Глобализация имеет своих бенефициаров — она проходит

в международном сообществе, созданном правилами, установленными ведущими факторами международных процессов. Стремлению к поиску новых подходов в выстраивании международных отношений, основанных на базовых для страны ценностях, противостоит гегемония государств, насаждающих принципы либеральной демократии и либеральной экономики в качестве предпочитаемых политических и экономических идеологий¹². Институционализация такого типа отношений между государствами стала возможна благодаря созданию моделей санкционного давления.

Применение международных санкций — процесс не новый. Их использование предполагает наложение запрета на сотрудничество. Примеры антироссийских санкций, как правило, исторически связывают с периодом правления Ивана Грозного, который, вступив в Ливонскую войну, столкнулся с отказом поставок из европейских государств меди и бронзы, что привело к активному собственному поиску месторождений и производству черных и цветных металлов. Санкции периода Смуты привели к созданию политически сильного, обладающего огромным влиянием Российского государства. События Крымской войны запустили, кроме санкций, информационную войну против России, продолжавшуюся на протяжении нескольких столетий. В XX в. санкции в отношении СССР создавали экономические и политические сложности для страны, но это сделало необходимым формирование собственной материально-технической базы. Кроме того, при политическом влиянии СССР получили нормативное закрепление сформулированные после Первой мировой войны в Уставе Лиги Наций положения о международных санкциях, установленные в разд. 7 Устава ООН. В соответствии с этими положениями в разное время санкциям подвергались Ангола, Афганистан, Ирак, Кувейт, Югославия и другие государства.

Санкции этого периода не затрагивали космос, культуру, спорт. Была неприкосновенна собственность за рубежом и валютные резервы. Экономические санкции были точечными. Например, в марте 1948 Соединенные Штаты Америки объявили об ограничениях на экспорт из СССР материалов, механизмов, а также отдельных видов вооружений в социалистические страны. Впоследствии эти санкционные механизмы были реализованы в международных договорах об ограничении вооружений. С развитием азиатского региона, и в первую очередь КНР, механизм санкций стал менее действенным. Санкционные последствия были предсказуемы, вводились определенные ограничения,

¹⁰ См.: *Моисеев А. А.* Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С. 68.

¹¹ *Караганов С. А.* Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3: Международные конфликты: Quo Vadis? С. 405–411.

¹² См.: *Смирнова Е. В.* Идеология как основание типологии обществ? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 2.

обесценивалась национальная валюта, но мировые биржи никак на это не реагировали.

Антироссийские санкции, которые стали вводиться коллективным Западом в последнее десятилетие, стали жесткими и агрессивными. Россия была исключена из всех спортивных международных организаций, в сфере культуры отменялись гастрольные выступления российских дирижеров, музыкантов, артистов.

В 2022 г. санкции приобрели тотальный характер, породили коллапсы сначала на энергетическом, затем на сырьевом и продовольственном рынках. Десятикратный рост мировых цен на газ, трехкратный — на нефть, очевидно, не был целью западных санкций. Но ситуация, вызванная, по сути, только политическими заявлениями, выводит последствия санкций на плохо прогнозируемую траекторию. Теперь, чтобы как-то компенсировать экономический и политический вред, нанесенный санкциями Европе и США, необходимо создавать новые отношения с независимой Россией, а также новые правила, в которых следует сформировать уважительное отношение к ценностям, лежащим в основе российской идентичности. При этом, рассуждая о потерях экономики России в результате введенных в отношении нее в феврале — марте 2022 г. санкций, в интервью ТАСС Президент РФ В.В. Путин заявил, что, по разным оценкам, мы потеряли около 50 млрд, но мы и заработали столько же¹³. Становится токсичной валюта стран-санкционеров. При этом нельзя забывать, что по одну сторону «санкционного забора» — Запад, миллиард населения и половина глобального ВВП, по другую — шесть миллиардов населения и вторая половина ВВП. Россия в этом противостоянии не одинока, ее поддерживает большинство населения планеты Земля.

Последствиями санкций февраля 2022 г. станет изменение мировых экономических и политических альянсов. Из этого кризиса, без сомнения, родится новая политическая и экономическая реальность, в которой отношения России с государствами Европы и США будут развиваться по новым правилам.

* * *

Для современной России подход к восстановлению и укреплению суверенитета связан с изменением не только политико-правовой реальности, но и общего тренда перехода от двухполярного и однополярного к многополярному миру. Принятым в 2020 г. Законе РФ о поправке в Конституцию

Российской Федерации¹⁴ закреплено сохранение российской конституционной идентичности и установление пределов вмешательства международных структур в государственную политику. Говоря о суверенитете, необходимо еще раз вернуться к исследованию А.С. Алексеева, отмечавшего, что признаком любого государства как политико-правовой организации является верховная власть, которая юридически не ограничена, не признает над собой никакой высшей власти, регулирует и защищает не тот или другой разряд интересов, внутренний или международный, а всю совокупность интересов народа¹⁵. Не случайно в преамбуле Конституции РФ закреплено, что, принимая ее, многонациональный народ «возрождает суверенную государственность России». Все ранее обозначенные суждения направлены на институционализацию специфической концепции государственного суверенитета, основанной на российской идентичности — культурной, философской, правовой. Опыт традиционного нравственно-правового уклада России, позволившего ей сохранить в течение столетий державность в сочетании с осознанием себя частью мирового сообщества вопреки антитезе и противостоянию, только усиливает фундамент, создающий архитектуру современной российской правовой государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5–7.
2. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство — личность — государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 158.
3. Караганов С.А. Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3: Международные конфликты: Quo Vadis? С. 405–411.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 295.
5. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права. СПб., 1998. С. 634.
6. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С. 68.
7. Морозова А.С. Конституционно-правовой анализ реализации принципов суверенитета в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 4. С. 44–49.

¹⁴ См.: Закон Российской Федерации о поправке в Конституцию Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

¹⁵ См.: Алексеев А.С. Указ. соч. С. 7.

¹³ См.: Интервью ТАСС «О санкциях как стимуле для развития экономики». URL: www.kremlin.ru/events/president/news/62991

8. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.
9. *Смирнова Е.В.* Идеология как основание типологии обществ? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 2.
10. *Ушаков Н.А.* Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 35–37.
11. *Шевцов В.С.* Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978. С. 3, 4, 18, 19.
4. *Korkunov N.M.* Lectures on the theory of law. SPb., 2003. P. 295 (in Russ.).
5. *Korolkov A.A.* Philosophy of Law: Western European and Russian Traditions // History of Philosophy of Law. SPb., 1998. P. 634 (in Russ.).
6. *Moiseev A.A.* State sovereignty in International Law. M., 2009. P. 68 (in Russ.).
7. *Morozova A.S.* Constitutional and legal analysis of the implementation of the principles of sovereignty in the Russian Federation // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4. P. 44–49 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alekseev A.S.* Russian State law. Lecture notes. 4th ed. M., 1897. P. 5–7 (in Russ.).
2. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I.* Sovereignty: state – personality – state // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. P. 158 (in Russ.).
3. *Karaganov S.A.* New ideological struggle? // Herald of RUDN University. Series: International Relations. 2016. Vol. 16. No. 3: International conflicts: Quo Vadis? P. 405–411 (in Russ.).
8. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 6 (in Russ.).
9. *Smirnova E.V.* Ideology as the basis of the typology of societies? // Herald of the Moscow University. Series 7. Philosophy. 2018. No. 2 (in Russ.).
10. *Ushakov N.A.* Sovereignty in modern International Law. M., 1963. P. 35–37 (in Russ.).
11. *Shevtsov V.S.* National sovereignty (problems of theory and methodology). M., 1978. P. 3, 4, 18, 19 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. — Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia